

Меньше всего Джеймс ожидал, что после возвращения домой с четвертого курса Хогвартса его похитит безумный старик-гератрик со шрамом в виде молнии на лбу. Он всегда считал, что самое безумное, что может случиться, - это то, что один из его лучших друзей окажется оборотнем, а Снивиллус так и не узнает, что такое шампунь, хотя это и не так.

"Увидимся, Джеймивами", - сказал Сириус, с ухмылкой похлопав его по плечу. "Постарайся за лето найти себе животное-дух, хорошо?"

Джеймс уже догадывался, какое у него животное, хотя Пит все еще испытывал трудности, Сириус уже знал, но они все согласились, что это будет сюрприз, который они покажут вместе.

Джеймс в ответ усмехнулся, хотя и заметил, что в глазах его лучшего друга появился жесткий оттенок.

Ворона женщина по имени Вальбурга Блэк схватила сына за предплечье, уже крича о его ужасной маггловской одежде.

Джеймсу пришлось сдерживать рычание, видя, как длинные черные ногти впиваются в кровь, пока она тащила сына прочь, а ее ужасный домовый эльф левитировал сундук Сируса и Регулуса, который в какой-то момент появился вслед за матерью. Тихая тень даже не моргнула, увидев, что его брат пострадал.

Джеймс вздохнул, его сердце пылало от гнева, но он знал, что не может ничего сделать... пока.

Он увидел, как Ремус машет ему рукой, а его отец ведет его через магглорожденные ворота. Ну, не то чтобы магглорожденные, менее обеспеченные семьи пользовались этим способом, поскольку он был дешевле порошка Флоо.

Питер практически ускакал к матери, как только поезд остановился, с воплями о том, что нужно обязательно отправить письма. Джеймс не мог дождаться, когда голос Питера перестанет ломаться, но так было уже четыре года.

"Пошевеливайся, Поттер", - прорычал знакомый голос.

Джеймс почувствовал, как его сердце на мгновение остановилось, а потом вдруг забилось так быстро, словно пыталось прорваться сквозь грудную клетку.

"Эванс, надеюсь, ты не забудешь меня, пока мы в разлуке, хотя, конечно, трудно забыть такую кружку, как моя", - сказал Джеймс, одарив ее однобокой ухмылкой.

"У меня достаточно зелья от бессонницы, чтобы не беспокоиться о кошмарах", - ответила Лили с холодными ярко-зелеными глазами.

Черт, она была в плохом настроении, и ему нужно было прекратить болтать.

"Значит, ты видишь меня даже во сне? Не могу сказать, что я удивлен".

"К сожалению, именно поэтому я перестала вести дневник снов", - сказала она, пытаясь пройти мимо него.

Он должен был пропустить ее, она явно спешила домой и к семье.

Вместо этого он двинулся ей навстречу, проведя рукой по волосам.

"И правда, зачем тратить время на писанину, если можно увидеть все вживую?"

Лили закрыла глаза, что было очень обидно, и сделала глубокий, терпеливый вдох, прежде чем открыть их снова.

"Убирайся к чертовой матери".

Черт, он знал, что это плохо, если она ругается. Шок от этого был достаточным для того, чтобы он стоял на месте, пока она двигалась вокруг него.

Он все еще помнил их первую встречу. Он только что познакомился с Сириусом, и, несмотря на то, что они были Блэками, они неожиданно стали заканчивать фразы друг друга. Потом они наткнулись на купе, в котором уже находились два человека.

В тот момент, когда она повернулась к нему, и он увидел ее изумрудно-зеленые глаза, время остановилось. Он не помнил, о чем именно шла речь, только то, что они познакомились с очень неприятным Снивиллусом. Но, несмотря на тот первый момент, когда Джеймс увидел ее, Лили Эванс показалась ему очень раздражающей.

Властная, высокомерная в своем роде и совершенно не умеющая веселиться.

Первые несколько месяцев она кричала на него и Сириуса за каждую мелочь, которая ей не нравилась, и это быстро надоедало.

Поэтому они сделали своей личной миссией раздражать ее как можно больше, и если Сириус был хорош в этом, то Джеймс был прирожденным.

Но несмотря на то, что любое общение с ней вызывало у него жуткое раздражение, он никак не мог выбросить из головы тот первый образ. Момент, когда она повернулась, солнце поцеловало ее темно-рыжие волосы, превратив их в костер, и сияющие, прекрасные изумрудные глаза. Наполненные удивлением, добротой и магией, о существовании которой он даже не подозревал до этого момента.

Этот момент времени навечно запечатлелся в его памяти.

"Джеймс!"

Он встряхнулся, отгоняя образ зеленых глаз на задворки сознания. Его родители, Флемонт и Эуфемия Поттер, стояли перед ним с обеспокоенным выражением на лицах.

Флемонт, боги, почему дедушка назвал его именно так, был очень похож на Джеймса, но ростом ниже, чем четырнадцатилетний Джеймс, и кожа у него была темнее, остатки римского происхождения. Дикие черные волосы, которыми он никогда не пользовался, несмотря на то, что был создателем зелья для волос Слизерина. Его лесные глаза были такого же цвета, как у Джеймса, но улыбка была шире и менее самодовольной.

Эуфемия была высокой, почти шести футов, с гипсовой белой кожей и прямыми светлыми волосами. Ее голубые глаза были полны озорства, и Джеймс ухмыльнулся именно ей.